

ИРИНА БЕСЕДИНА

ЗОЛОТАЯ ТЕНЬ КАДЫКЧАНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Ирина Беседина

Золотая тень Кадыкчана

«ВЕЧЕ»

2016

Беседина И. И.

Золотая тень Кадыкчана / И. И. Беседина — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-8718-1

Канули в прошлое страшные годы Второй мировой и эпоха сталинских лагерей. Реабилитированные заключенные с колымских приисков получили шанс начать новую жизнь. Но общее прошлое все равно настигает их. Бывший колымский зэк, а ныне – уважаемый ювелир Близинский убит в собственной квартире, деньги и драгоценности похищены. Подозрение падает на еще одного бывшего заключенного, сидевшего вместе с Близинским. Следователь быстро выясняет, что в далеком Томске живет еще один бывший зэк из того же лагеря, которому может грозить смертельная опасность... Роман является прямым продолжением уже известной читателям книги «Самородок».

ISBN 978-5-4444-8718-1

© Беседина И. И., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Жизнь и смерть ходят рядом	6
Бухта Провидения	16
Боевое крещение	17
Плен	20
Неожиданные гости	22
Наказ отца	30
Колыма	32
Встреча с Юлей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Беседина

Золотая тень Кадыкчана

© Беседина И.И., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Жизнь и смерть ходят рядом

Был поздний час. Пассажиров в метро было мало. Лев Близинский задержался в гостях у друга. Они хорошо посидели, выпили и поговорили, поэтому Лев оставил свою машину на автостоянке и решил добираться домой общественным транспортом. В вагоне метро Близинский сел в угол и слегка задремал. Чей-то пристальный недобрый взгляд вывел его из полудрёмы. Лев приоткрыл веки. Человек сидел напротив чуть наискосок. Когда Лев открыл глаза, он быстро отвернулся и стал смотреть в сторону. На ближайшей станции вышел. Лев где-то видел это лицо. Оно его встревожило. Он опять закрыл глаза. Но сон уже слетел, и лицо нечаянного попутчика маячило перед его мысленным взором. Человек был невысокий; копна коротко стриженных кудрявых седых волос, очевидно, служила ему вместо шапки. Близинскому пора было выходить, а он никак не мог вспомнить, где видел неожиданного и явно знакомого попутчика. Пешеходов на улице почти не было. Ему показалось, что сзади кто-то идёт. Он оглянулся – тень мелькнула за углом. Лев постоял, рассердился на себя и мысленно сказал: «Лёва, ты трус». И вошёл в подъезд. Быстро поднялся на второй этаж, открыл дверь и зашёл в прихожую. Дверь запер на все замки и задвижки и отдышался. Выпил чашку чая с мёдом, принял душ и лёг спать. Долго не мог заснуть, всё ворочался и силился вспомнить попутчика. Он то просыпался, то опять ненадолго проваливался в отрывочный сон. В его душе появился страх, которого он давно не испытывал. И это его удивляло. Никак не мог понять, почему он так испугался внезапной встречи с незнакомым пожилым человеком. К утру заснул крепко и внезапно увидел ярко и отчётливо: бревенчатый дом, трое сидят за длинным столом, у порога лежат две овчарки, и посередине, на табурете, сидит маленький испуганный человечек, очень похожий на вчерашнего попутчика, только молодой. Глаза его бегают и руки дрожат. А потом вдруг появился тот, вчерашний. Шапка густых тёмных волос стала седой. Большие карие глаза сохранили детски-наивное выражение.

Близинский проснулся и сразу вспомнил: это Зеников Андрей, который шпионил за ними на Колыме. И Берг его допрашивал. А чтобы нагнать страху, привлёк их с Михаилом к этому делу. Людмила одела на них маски из своих новых чулок. Они молча сидели за столом. Две огромные овчарки расположились у выходной двери.

В приисковом посёлке сгорело общежитие, и на пепелище был обнаружен труп. Начальник прииска считал, что Зеников знает и скрывает причину пожара. Он что-то мямлил про свою жену и её любовника, который заставил его поджечь барак и убил дневального. Зеников отчаянно трусил. Мужик тот был необычайно здоров, к тому же блатной. Если узнает, что Зеников его выдал, прищёлкнет, как муху.

В любом случае встреча не обещала ничего приятного. Зеников был замешан во многих преступлениях, но всегда умел выкрутиться, скрыться в неизвестном направлении, затаиться до поры. В том, что Зеников его узнал, Близинский не сомневался. Уж слишком резко он переключил свой пристальный взгляд и быстро вышел. А вдруг он просто пересел в другой вагон и выследил, где живёт Лев? Воспоминания об этом человеке были неприятны. Близинский знал, что страх, который он ощутил при встрече, возник не просто так. Он доверял своей интуиции.

Лев решил позвонить своему другу – следователю Калинину, недавно вышедшему на пенсию. Калинин в 1953 году вёл дело о реабилитации Близинского. Лев был осуждён в 1937 году по 58-й статье и отбывал наказание в лагере на Колыме. Он ушёл с лагерем на фронт, попал в плен, бежал и всю войну воевал в партизанском отряде, потом влился в армию и окончил войну в Берлине. Внезапно статья выплыла. Калинин его отстоял. Он доказал, что послужной список Близинского был безупречен. Привлёк свидетельства его службы после войны на Чукотке, участие в войне с Японией, заслуженные награды.

С тех пор они подружились. Супруга Калинина вкусно готовила и любила накормить гостей. В семье друга он отдыхал душой и не чувствовал себя одиноким, никому не нужным стариком.

Лев был прекрасным рассказчиком и, как и Калинин, страстным шахматистом. Вчера он засиделся у них в гостях. Было тепло, тихо, уютно. Шахматы позволяли наслаждаться этим даром. Уходить не хотелось. И когда Лев, наконец, попрощался с хозяевами, метро было почти пустым.

Утром Близинский набрал номер телефона Калинина:

– Егор Кузьмич, здравствуй! Я вчера, когда возвращался домой, имел встречу, очень неожиданную. Я встретил Зеникова Андрея. Он знаком мне по Колыме. Жил на прииске Фролыч.

– Ты с ним разговаривал?

– Нет. У меня нехорошее впечатление от этой встречи осталось. В вагоне метро он сидел напротив меня. Я его сразу не узнал. Сидел с закрытыми глазами, слегка задремал. Потом почувствовал, что меня кто-то пристально и недружелюбно разглядывает. Приоткрыл глаза. Лицо знакомое, а вспомнить сразу не смог. Хотел обратиться и спросить, где мы встречались. А он сразу стал с безразличием смотреть в сторону и на ближайшей остановке вышел из вагона. Мне кажется, эта встреча не к добру. К тому же я инстинктивно ощутил страх, тот неприятный липкий страх, который возникает в душе непонятно, почему. Он знает, что я ювелир. И когда я работал у Берга, он следил за нами, подслушивал, подглядывал. Берг даже бил его за это. У меня такое чувство, что он пересел в другой вагон и проследил за мной. Зачем-то я ему нужен.

– Я позвоню своим коллегам и постараюсь выяснить, что сейчас о нём известно. Сегодня с утра я занят. А завтра приеду к тебе. Тогда решим, что делать.

Однако завтра уже было поздно.

* * *

Доктор Репнин засыпал в последнее время с трудом. А сегодня тем более. Жена уехала к дочери. Домработницу он отпустил рано. Смотрел телепередачи, читал, лёг спать. Но сон долго не приходил. Лезли в голову всякие воспоминания. Наконец, перед закрытыми глазами появились первые то радужные, то тёмные уплывающие пятна – предвестники сна. Всё закружилось и куда-то полетело. И тут раздался громкий наглый звонок. Звонили с явной целью разбудить его. Доктор выругался, резко поднялся и пошёл открывать дверь. Сон был перебит. В глазок увидал Зеникова.

– Какого лешего ломишься ночью? – встретил он не приветливо непрошеного гостя. – Ночь на дворе. До завтра нельзя было подождать?

– Олег Петрович, не терпит отлагательства мой вопрос, не терпит. Надо решить немедленно. Очень важно. Очень! – затараторил Зеников, протискиваясь в узенькую щелочку двери. При этом круглые его глаза стали ещё более круглыми, и весь его возбуждённый вид убедительно свидетельствовал о том, что принёс он не терпящую отлагательства новость.

– Ну-ну! Спокойнее! – ответил доктор и закрыл за ним дверь. – Проходи на кухню. Там всё расскажешь.

Зеников торопливо шмыгнул на кухню, шлёпнулся на табурет.

– Сегодня вечером в метро я встретил нашего давнего знакомого. Ни за что не отгадаете, кого!

Репнин пожал плечами.

– Ну, кого же?

– Убиенного пограничниками в сороковом году на Чукотке Близинского Льва. Он зэк, ювелир, жил у Берга. Вы должны его помнить, должны помнить, – сказал Зеников, торжествуя, и даже указательный палец поднял вверх.

Зеников замолчал и своими круглыми блестящими глазами уставился на Репнина.

– Ну, помню я его. А ты уверен, что ни с кем его не перепутал? – спросил он лениво.

– Ох, доктор, я столько раз смотрел на него в щелочку в стене гостевого дома у Берга, что я забыть его не могу.

– Это очень интересное сообщение. Как же он вдруг живым оказался? Мне пограничник сказал, что видел яму, где этих друзей похоронили чукчи. Там даже кровь на снегу была.

– Чукчи, наверное, оленя забили и полили его кровью снег в яме.

– Да, лоханулись пограничники. И мы вместе с ними, – Репнин задумался. – Где же его искать в Москве? Всё равно как иголку в стоге сена.

– Обижаешь, начальник. Я пересел в другой вагон и выследил, где он живёт. Вы-сле-дил!

– Я всегда ценил твою сообразительность, Андрей. А уж по части проследить, подглядеть, подслушать – тебе нет равных.

– Я поторопился к вам, потому что он тоже мог меня узнать. Вдруг он кому-либо сообщит, что встретил давнего знакомого. Светиться лишний раз мне ни к чему, опасно. А такая встреча сулит золотишко и камешки, камешки и золотишко. Я ведь рассказывал вам, что Берг очень хорошо поделился с этими зэками. Каждый получил по приличной шкатулке с золотом. Я сам видел.

– Помню, помню. Да ведь он уже старик. Ему, поди, за семьдесят перевалило. Он и золото своё всё мог растерять. И что ты хочешь от меня?

– Надо действовать немедленно. Ювелира надо обыскать, забрать у него все ценности. Я уверен, он не растерял, он ещё богаче стал. Где ты видел еврея, да ещё ювелира, бедным? Он приумножил, а не растерял. Его надо допросить. Узнать, где его дружок Романов и где находится та сказочная пещера, которую они нашли и скрыли от всех.

– Пожалуй, ты прав. Но только сейчас ночь. Ты же знаешь, от дела я почти отошёл. Завтра утром решим, как всё организовать. За квартирой Близинского надо установить наблюдение. Узнать, с кем он живёт. Если один, дело простое.

– Да один он живёт, один. Я уверен. Я его проводил и посмотрел на окна. Окна были тёмные, пока он не пришёл. Свет горел недолго. Он почти сразу лёг спать. Я ушёл, когда у него погас свет.

– Поверим. Но на всякий случай завтра понаблюдаем. А послезавтра утром пораньше придём в гости. Сейчас оставайся у меня. Жены нет, отправилась детей навестить. Поспишь в зале на диване. Я пойду спать. Всё. Иди, ложись.

Репнин, зевая, направился в спальню.

«У, гад, даже чаем не напоил», – подумал Зеников.

Разделся, аккуратно повесил свои вещи на стул и лёг на диван.

Через пять минут в квартире установилась тишина. Затем послышался мерный докторский храп. Зеников ещё долго ворочался на диване, его воображение тревожили мечты о колымских сокровищах.

* * *

Убит ювелир, Близинский Лев Наумович, семидесяти семи лет от роду. Труп обнаружен проходящей в дом женщиной, которая убирала квартиру и готовила еду. Она обычно приходила к часу дня. Близинский не любил, когда его рано тревожили. Соседи ничего не слышали, не видели никого постороннего: ни входящих, ни выходящих.

Очевидно, похищены все имеющиеся ценности. Какие они и сколько, никто не мог сказать. После смерти жены Близинский жил замкнуто. Друзей домой не приглашал. Подруг, в силу возраста, у него не было. С соседями был весьма сух, необщителен. Поэтому понятия, несмотря на ужас открывшейся им картины, стремились удовлетворить своё любопытство. Им было интересно заглянуть за эти двери хотя бы в этот жуткий момент.

Преступники обыскали в квартире всё: содрали ковры, обои, картины, перевернули и разломали мебель, вскрыли сейф. Однако ни окурков, ни отпечатков пальцев, никаких либо других следов не оставили. Паркетина около тайника была тщательно протёрта. В последний момент следователь обратил внимание на выдвинутый ящик письменного стола и небольшую пачку писем в нём. Письма были из Томска от Романова Михаила Михайловича. И только на одном письме, лежавшем отдельно на крышке стола, нашли незнакомые свежие отпечатки пальцев.

Около восьми часов утра дворничиха видела входящего в подъезд мужчину. Мужчина был пожилой, невысокого роста, приятной внешности, одет прилично. Дворничиха заметила, что он был без шапки. Густая кудрявая короткая шевелюра её заменяла. Больше она никого не видела. Когда освободилась от домашних дел, позавтракала и немного отдохнула, вышла во двор закончить работу, увидела отъезжающую зелёную «Оку» с инвалидными знаками на стёклах. В ней сидели, кажется, трое мужчин. Она их не разглядела. Время было около половины двенадцатого.

Звонок раздался, когда следственная бригада заканчивала свою работу. Звонил Калинин. Трубку взял оперуполномоченный Огарёв. Калинина он знал.

– Лев Наумович! Здравствуй! Это я, Калинин, тебе звоню, как обещал. Мы можем встретиться, – услышал опер в трубке.

– Калинин, с тобой говорит опер Огарёв. Приезжай немедленно, – сказал он, – замочили твоего знакомого. По телефону не расскажешь. Я думаю, нам повезло, что ты его знаешь.

Калинин прибыл минут через двадцать. Увидев разрушения и следы издевательства на убитом, был потрясён.

– Боже мой! Я должен был отложить все дела, немедленно приехать после его звонка.

– О чём был звонок?

– Он мне звонил вчера и рассказывал о встрече в метро. Она его напугала. Я подумал, что слишком много лет прошло и ничего не может произойти от нечаянной встречи двух стариков. С утра был занят. А после полудня решил навеститься к Лёве. Позвонил ему, чтобы узнать, дома ли он, и приехать. Ваше сообщение выбило меня из колеи.

– Расскажи наконец толком, что за встреча? Почему надо было делать далеко идущие выводы из встречи в метро двух стариков? Каких стариков? – спросил Огарёв.

– Портрет, нарисованный дворничихой, очень похож на Зеникова. Проходимец, каких мало. Нигде не проявляется явно. Именно его встретил в метро Близинский. А знал он его в 1939 году, когда отбывал наказание на одном из приисков Магаданской области. Ничего хорошего эта встреча не сулила, – пояснил Калинин.

– О, это очень интересно, откуда след тянется. Они что, поздоровались и разошлись? – продолжал выяснять Огарёв.

– Нет. Мы с ним хорошо провели вечерок у меня дома: поужинали, выпили, поговорили, в шахматишки сыграли. Он машину оставил и решил воспользоваться метро. Сел в угол вагона и слегка задремал. Почувствовал, что кто-то его пристально рассматривает. Открыл глаза. Увидел Зеникова, но не узнал сразу. Ну а тот заюлил глазами и на ближайшей остановке вышел.

– Мало ли бывает встреч? Почему ты уверен, что эта была роковой?

– Потому что Близинский ощущал, что за ним кто-то идёт. Потому-то, когда вспомнил Зеникова, позвонил мне в большой тревоге.

– Почему в тревоге? – продолжал выяснять Огарёв.

– Это длинная история. Перед войной и до 1948 года Зеников жил в Магаданской области. Завербовался туда в тридцать седьмом году. Он знал, что Близинский ювелир и был уверен, что у него есть золото. Память о золоте не стареет. Золото, корысть и смерть всегда сплетались в тугой узел.

– А твой друг был богат? – спросил следователь.

– Он был потомственный ювелир. Безусловно, не беден. Он уже не принимал заказы. Очень интересный старик. Когда рассказывал о своих путешествиях и приключениях, заслушаться можно было.

Калинин внёс определённую ясность в дело. Было очевидно, что Зеников выследил, где проживает ювелир Близинский. Человек, о котором говорила дворничиха, вполне мог быть Зениковым.

На следующий день Огарёв и Калинин беседовали у Огарёва в кабинете.

– Мы проверили Зеникова. Он ещё позавчера съехал с квартиры, – сказал Огарёв.

– Значит, он не исключал, что Близинский его тоже узнал и торопился, пока тот ни с кем не поделился впечатлением о встрече, – предположил Калинин.

– Скорее всего, он вспомнил, что оставил на столе конверт с письмом от друга Близинского. Только там есть единственные отпечатки пальцев. Если он профессионал, то понимает, к чему это может привести. Ясно, что Зеников был не один. Предположим, он принял в ограблении деятельное участие как наводчик, это очевидно. Иначе к чему ему было срываться с места его постоянного проживания? – решил Огарёв.

– Это выдаёт его с головой. У него есть веские причины покинуть это место. И отпечатки пальцев на письмах могут принадлежать ему. А фамилия на конверте случайно не Романов? – поинтересовался Калинин.

– Да, Романов. Вам знакома эта фамилия? – спросил следователь.

Калинин был твёрдо уверен, что Зеников имеет прямое отношение к смерти его друга.

– Эта фамилия мне знакома. С Романовым они были большие друзья, вместе сидели в лагере, и потом их пути часто перекрещивались.

– Однако Зеников где-то отсиживается. Залёг на запасной квартире, будет сидеть тихо-нечко, пока дело не прикроют за давностью. Надо делать фоторобот и разослать его по Москве, – решил Огарёв. – Ты видел его в натуре?

– Видел, очень давно. Представляю весьма смутно.

– Надо привлечь дворничиху.

– Давай составим фоторобот по моим воспоминаниям, а она подправит, – предложил Калинин.

Дворничиха подтвердила, что мужчина, которого она встретила рано утром во дворе, был очень похож на портрет, нарисованный Калининым. С её помощью портрет подправили, и он стал более достоверным. Калинин вновь высказал предположение, что бандиты могут отправиться в Томск к Романову.

– Письма лежали на столе. На них были свежие отпечатки пальцев. Адрес на конверте наверняка заинтересовал бандитов, – сказал Калинин.

– Почему ты так считаешь?

– Романов и Близинский вместе отбывали наказание на прииске Фролыч на Колыме. Они вместе прошли сложный путь. Зеников знает их по прииску. Как видите, он знал, что Близинский ювелир. Очевидно, знал, что у него есть золото и камни. Возможно, что бандиты захотят проверить, нет ли золота у Романова, – объяснял Калинин следователю.

– Через два дня – Новый год. А тут – работы непочатый край! Вот так всегда. Надо искать этого Зеникова. Он пока единственная ниточка в этом преступлении. Но он был не один, это очевидно. И если инвалидная машина та, которую надо искать, то преступников было трое.

– Я думаю, надо сообщить Романову о смерти Близинского. Вдруг бандиты явятся к нему на Новый год? Он семейный человек. Должен принять меры предосторожности. На всякий случай дам телеграмму.

– Ты что, с ума сошёл! – возмутился следователь. – Не ему надо дать телеграмму, а позвонить коллегам в Томск и предупредить о возможной ситуации. Ты же людям весь праздник испортишь! А, не дай бог, старик не выдержит известия? Я позвоню кому надо. А Зеникова надо искать пока здесь. И надо искать людей, которые могут узнать хоть какие-то пропавшие вещи. Он же ювелир, своего рода коллекционер. Мастер. Наверняка у него под стеклом в шкафах хранились сделанные им уникальные ювелирные изделия, которыми он гордился и показывал их своим редким гостям. Ты его давно знал, дружили. Неужели он никогда нигде не выставлялся, не было у него постоянных заказчиков, круга общения, коллег, с которыми он встречался? Человек не всегда жил замкнуто. Дети у него в конце концов есть? Вот, бери бумагу, садись и пиши всё, что вспомнишь. Человек жил и оставил свой след на земле.

Огарёв вскочил со стула, нервно схватил бумагу, положил её перед Калининым.

– Хорошо, я постараюсь вспомнить все, относящееся к делу. У меня руки чешутся. Он так боялся боли, ещё после ареста в тридцать седьмом! Что ему сейчас пришлось выдержать! Помимо похищенных вещей им еще что-то надо было от него. Почему они его пытали? – Калинин тоже был взволнован.

– Послушай, Егор Кузьмич, у него какой-нибудь знак был на изделиях? Понимаешь, свой личный знак.

– Да, был. Я помню. По-моему, две маленькие микроскопические звезды. У моей жены есть его подарок – кольцо и браслет. Я принесу. Мы посмотрим.

– По этому знаку можно искать у скупщиков. Да, работа предстоит немалая. Но у меня тоже чешутся руки на этих подонков.

С этого дня началась отработка версий, которые могли привести к разоблачению и поимке бандитов. Но Зеников канул. И изделий с двумя микроскопическими звёздочками в скупках пока не было обнаружено. Однако нашёлся знакомый ювелир, с которым Близинский был в дружбе. Он подсказал, что надо ещё раз сделать обыск в квартире.

– Должны быть документы. Близинский фотографировал свои творения, и у него была тетрадь, в которой он отмечал каждую вещь, когда сделана и куда ушла.

И действительно, когда сделали обыск, за часами, которые по великой случайности остались на своём прежнем месте, нашли тайник.

* * *

Старый Романов сидел у окна в своём любимом кресле и наблюдал за улицей. Снег падал большими пушистыми хлопьями. Ветра почти не было. И снег кружил, медленно оседая на крыши домов, мостовую, на шапки и воротники прохожих. И так же медленно кружили мысли в голове Романова. Он знал, что жить ему осталось очень недолго. Силы уходили. Сердце часто давало сбои. Появилась почти постоянная боль за левой грудиной.

Перед его мысленным взором прокручивались кадры прошедшей жизни. Иногда он как будто наяву видел своих близких, людей, прошедших через его жизнь, вёл с ними мысленные разговоры. Он был рад встрече этого Нового года. Предчувствуя скорое расставание, с особенной любовью смотрел на внуков, сына и невестку. Он думал о том, сколько разных жизней вместилось в его семьдесят пять лет. И каждый промежуток жизни был насыщен, своеобразен и как бы закончен. Каждый давал свою пищу уму и сердцу, каждый изменял его суть, давал свой урок. Обстоятельства подводили его к решительным действиям, приходилось сжигать мосты, чтобы не было отступления и принимать порой рискованные решения. Жизнь круто менялась, как бы начинаясь заново. И сейчас он подводил итог этим урокам. У него не возни-

кало желания начать жизнь заново. Страшные годы заключения были тем земным адом, когда он познал уязвимость и хрупкость человеческой жизни. Государственное правосудие открылось как жестокая бездушная машина, как жернов, ломающий жизнь и судьбы людей, ужасающий, непредсказуемый, неумолимый. Именно тогда началась шлифовка характера. Он понимал, что бог был к нему милостив. Ибо каждый раз, когда, казалось, силы на исходе и впереди не виделся просвет, происходило что-то непредвиденное, что изменяло его жизнь, поворачивало неожиданным образом. А может быть, он сам, неудовлетворённый её течением, сжимал пружину своих сил и поворачивал в другую сторону.

Что это было, когда они нашли столь большой самородок и отдали его начальнику прииска? Случайность? Они навсегда покинули лагерь и золотой забой, в котором у них с Лёвой не было шанса выжить в течение своего срока наказания. Вместо десяти лет они пробыли в лагере два. Как он понял из дальнейшей своей жизни, случайности в этом мире – невероятная редкость.

Разумом он понимал необходимость покинуть пределы России, но не принимал её своей душой. Он просто подчинился обстоятельствам. И шаман предвидел его судьбу. В нужный момент на нужном месте появилась собачья упряжка по воле шамана.

Сохранить свою суть, пройти через испытания, через любовь, боль, потери и возродиться. Возродиться и увидеть свет. Это ли не самое сильное из всех радостей жизни?

Во время предварительного следствия в Бутырке он встретил друга, который не только помог ему выстоять и не сломаться, но разбудил его душу и разум. Через него он понял, насколько важно беречь в себе человека.

«Надо сохранить уважение к самому себе. И только через это можно сохранить уважение к Человеку. Это одна из Божьих заповедей, в этом моя духовная культура».

Человек – это несколько иное, чем люди. Человек становится Человеком своей родины, своей духовной культуры, только если он создаёт их в самом себе. Тому, у кого нет чувства родины, нельзя внушить его ничем. Родить это чувство в себе можно только поступками. Таким поступком для него стал уход на фронт и защита родины. Он не скрывался в потаённых местах тундры, не использовал своё шаманское наследство. Прежде чем получить, надо отдать. Прежде чем поселиться в доме, надо его построить. Его любовь к своим основана на том, что он всегда был готов отдать за них свою кровь. Человек всегда должен сделать первый шаг. Чтобы положить основание любви, надо начать с жертвы.

И сейчас, сидя у окна, он вспоминал то страшное время. Он вспоминал своего друга, и ему отчего-то стало очень тревожно.

Неделю тому назад он составил и заверил у нотариуса завещание. Сходил в церковь. Постоял у иконы Божьей Матери. Попросил прощения за свои грехи у иконы Иисуса Христа. Исповедоваться не стал. Зачем грузить постороннего человека своими решёнными и нерешёнными проблемами? Уж если суждено предстать перед Господом, то предстанешь таким, как есть, голеньким и ничем не прикрытым. У него был свой кодекс чести, и он считал его вполне согласованным с истинными Божьими заповедями. Он был готов ответить за свои ошибки на жизненном пути. В церковь он ходил очень редко, но не потому, что был атеистом. Просто считал свою веру и свои убеждения делом личным, никого не касающимся, не подлежащим обсуждению.

Прозрел ли он духовно к концу жизни? На этот вопрос ему трудно было ответить. Он никогда не стремился к богатству, не был стяжателем. Его никогда особенно не интересовали материальные потери и не приводили в восторг приобретения.

Он любил женщин, но бабником никогда не был. Он считал себя виноватым перед женой Юлей. Но не потому, что они много лет были в разлуке. Он изменил Юле, когда они жили в Москве. Когда это произошло, он не задумывался о своей мужской ответственности, но с годами произошла переоценка ценностей.

Где бы он ни был, как бы ни крутила его жизнь, он поступал по совести, был верен друзьям, честен в своих поступках. Так он считал. Он готов был ответить там, в другом мире, перед Богом, за свои проступки. Не мог он простить себе гибель Лизы с ребёнком. Он любил свою жену Юлю, но Валентину забыть тоже не мог.

* * *

Он услышал, как пришла невестка. Дети побежали к двери встречать ее с радостным криком: «Мама пришла!»! Сын Роман принял у неё из рук сумки, помог раздеться и поцеловал.

Начались семейные предновогодние хлопоты. Все были заняты. Роман с Ниной готовили на кухне праздничный ужин. Дети ставили тарелки с угощением на стол в зале. Дедушка говорил детям, что куда ставить. Затем Нина достала шампанское и соки, красивые фужеры, включила гирлянды на ёлке, потушила верхний свет и зажгла свечи, пригласила всех к столу.

– Как класиво! – захлопала Людмилка в ладоши. – У нас плазник! Я люблю плазник!

Когда все устроились, довольные началом любимого праздника, дети замолчали и вопросительно посмотрели на мать и отца. Мать налила детям соки, Роман торжественно открыл шампанское, наполнил фужеры для взрослых, сказал:

– Тебе первое слово, папа.

Дед поднялся и важно произнёс:

– Ну, дети, за старый год выпьем! Поблагодарим его за радости. А если были горести, благодарим его за науку, – он поднял свой фужер. – В добрый час, на доброе здоровье!

Взрослые стоя выпили шипящий напиток. Сели. Все были счастливы, шутили, смеялись.

После ужина стали вручать подарки. В семье Романовых подарки в этот самый любимый детьми и взрослыми праздник вручали дважды: вечером, накануне Нового года – от старого года, родных и друзей – с хорошими пожеланиями; и утром – новогодние подарки от самого Деда Мороза. Дед Мороз оставлял свои подарки в неожиданных местах, не только под ёлкой. И это была самая интересная игра: отыскивать подарки Деда Мороза. Но радость эта ожидалась завтра. А сейчас они получали подарки, которые готовили друг другу сами, задолго до Нового года, выдумывали их заранее и хранили до поры в великой тайне.

Людмилка брала пакет или коробку, раскрывала, доставала подарок и показывала его всем. Ванюша читал открытки и отдавал подарок по назначению.

Под конец торжества дедушка с таинственным видом вручил Нине небольшую продолговатую шкатулку из резной кости.

– Это открой сама.

Нина открыла и ахнула. На тёмном бархате лежало восхитительное колье, кольцо, браслет и серьги.

– Ой! Какая прелесть! Это мне?

– Конечно, тебе. Юле с Севера привёз. Друг Лёвушка делал.

Старший Романов вздохнул.

– Боже мой, Роман, смотри! Спасибо, Михаил Михайлович. – Нина поцеловала деда в щёку. – Ваш друг умел делать такие красивые вещи!

Нина подошла к зеркалу, надела колье, вдела в уши серьги. Кольцо было впору. Она немного полюбовалась. Дети и Роман захлопали в ладоши. Нина, радостно улыбаясь, погладила рукой тонкую ажурную сеточку колье с маленькими блестящими звёздочками. Когда восторги утихли, Михаил Михайлович сказал:

– Вещь дорога своей уникальностью. Этот гарнитур отличается от других подобных вещей в магазинах тем, что золото имеет очень высокую пробу, это самородное колымское золото. И делал мастер в соответствии с семейной традицией. Посмотрите на изящный рисунок. Секреты ремесла передавались из поколения в поколение. Но и это не главное. Он необык-

новенно добрый и чистый человек, знаток человеческих душ и философ. Мы очень тосковали тогда по своим жёнам, по своим семьям. Хотелось сделать неповторимый подарок от души. Я думаю, этот подарок впитал тепло и любовь. Это будет наша семейная драгоценность, пусть она передаётся из поколения в поколение и приносит удачу.

– А шкатулочка! Посмотрите, какое изящество! – Нина с восторгом рассматривала тонкую резьбу.

– Это делал мастер чукча. Резьба на моржовом клыке.

Михаил Михайлович замолчал. Перед его мысленным взором, как живая, стояла жена, Юля. Такой он увидел её впервые после своего возвращения с Севера: худенькая, смуглая, с огромными радостными и одновременно печальными глазами; лёгкими морщинками у глаз и выразительно изогнутых губ; лицо обрамлено облаком кудрявых поседевших волос. Видение становилось для него реальным. Но затем он почувствовал резкий укол в сердце. Юля на кого-то смотрела очень печально, удивлённо; потом ее образ стал удаляться и бледнеть. Издалека наплывало белое облако. И в расплывчатых очертаниях он узнал своего друга. Он приближался, черты становились явственней. Лёва ему кивал и как-то странно смотрел своими добрыми глазами. Но этот Лёва, который ему сейчас привиделся, был весь в синяках и ожогах, лицо его было обезображено глубоким шрамом.

– Что с тобой, Лёва? – крикнул Михаил Михайлович во весь голос. И этот голос был полон боли и сострадания.

– Папа, что ты говоришь? – Роман с тревогой смотрел на отца.

Михаил Михайлович тряхнул головой и виновато посмотрел на всех. Видения исчезли.

– Мне сейчас привиделась Юля, такая красивая, как живая. А потом Лёва. Он был весь в синяках и ожогах, как будто об него окурки тушили, на лице шрам. Я испугался. Ему плохо, – сказал он дрожащим взволнованным голосом.

Внезапно раздался звонок. Роман пошёл открыть дверь.

– Кто бы это мог быть? – задумчиво сказал Михаил Михайлович.

– Это почтальон принёс телеграмму. Тебе, папа.

Роман отдал телеграмму отцу.

– Наверное, от Лёвушки, – сказал отец.

Прочитал телеграмму и в ужасе сел в своё кресло.

– Так вот почему ты мне привиделся, Лёва!

Лицо Михаила Михайловича мгновенно побледнело и заострилось. Он пошатнулся, телеграмма выпала из его рук. Роман поднял телеграмму и прочитал: «Близинский скончался. Будьте осторожны. Калинин».

Праздник закончился. Старика увели в его комнату и уложили в постель. Нина с детьми ушла в детскую. Роман остался около отца.

– Рома, у меня в секретере есть толстая чёрная папка, мой дневник, воспоминания. После моей смерти её прочитаешь. А сейчас спрячь в надёжном месте.

Отец замолчал. Слова его утомили. Некоторое время он лежал молча, закрыв глаза.

– Наклонись ко мне, ближе, – прошептал он.

Роман встал на колени около кровати и наклонился над отцом.

– За моим ковром над кроватью – тайник. Там лежит шкатулка и желтая папка с бумагами, – прошептал отец. – Папку оставь, а шкатулку унеси. Немедленно... Спрячь... чёрную папку и шкатулку... вообще не дома. Сделай это... скорее. Лёву убили... Умер не своей смертью. – Отец закрыл глаза и долго молчал. Потом внезапно быстро сказал:

– Береги жену и детей, отправь их к её родителям на все зимние каникулы завтра же утром. Я скоро уйду... – Он улыбнулся. – Не хочу оставаться в памяти внуков мёртвым.

Роман не стал возражать.

– Я сделаю всё, что ты скажешь, отец.

– Могут появиться «гости» и потребовать шкатулку и записки. Никому ничего не давай и даже не намекай, что что-то видел.

С этого момента действительность перестала для него существовать. Он жил прошлым. Звал свою жену Юлю, какую-то Люсю, девочку Лизу, своего друга Лёву. Порой говорил на непонятном языке. Скорее всего, разговаривал с чукчами, у которых провёл несколько лет своей жизни.

* * *

Шаман смотрел ему прямо в глаза. Он был во всём белом: белые камусовые штаны обтягивали его худое старое тело, белая тонкой выделки оленья рубашка, любовно вышитая когда-то Пыткываной, делали его таким же значительным и строгим, как в день его ухода «сквозь облака», последний день в кругу родных и близких.

– Скоро мы встретимся с тобой, Михаил. И будем думать свои длинные думы и вести неспешные беседы. Ты понимаешь, о чём я? – сказал шаман.

– Кажется, понимаю.

– Ты помнишь Лизу? Она любила тебя.

Михаил не успел ответить. Шаман исчез, как будто его кто-то позвал.

Непроглядный туман окутал Михаила. Он шёл, не зная, куда. Ему надо было найти Лизу. Он не хотел заблудиться.

– Лиза! Лиза! – громко кричал он. Но Лизы рядом не было. Туман понемногу стал рассеиваться, и он увидел берег моря. Он ощутил себя молодым и сильным, как тогда, когда Лиза нашла его у костра на берегу океана. Всё повторилось. Лиза подкидывала в костёр ветки карликовой берёзки. Михаил не слышал её приближения. Позднее полярное солнце высвечивало каждую песчинку или камушек на берегу. А он хотел сочинить что-то значительное об океане. И потому, закрыв глаза, шептал слова неродившегося произведения. А когда открыл глаза, то был смущён и удивлён её появлением.

Она сказала ему:

– Я хочу взять тебя в мужья. Я хочу стать настоящей женщиной, но для этого мне нужен только ты. Я сказала об этом своим родителям. Ты тоже хочешь быть моим мужем. Ты любишь меня, я знаю. Пойдём домой в нашу ярангу.

Лиза взяла его за руку. Рука была необыкновенно холодной. Сердце пробило стрелой боли. Всё исчезло. Умиравший закричал, потом затих. Перед ним открылся длинный туннель, в конце которого горел яркий свет. И он быстро двигался по этому туннелю. И кто-то добрый и бесконечно светлый взял его за руку.

Бухта Провидения

Михаил и Лев стояли на сопке около старого огромного деревянного креста, неведомо кем и в честь кого когда-то поставленного здесь. Путешественники оставили на нём свои росписи. Крест был пробит пулями, изрезан ножиками. Отсюда был виден узкий и длинный залив, стиснутый склонами сопки, нависающих над водой. Колдун-гора, точно жуткий замок грозного чёрного властелина, выступала адовым переплетением скалистых выступов, мрачных башен, торчащих в небо чёрных каменных пальцев.

– До сих пор не понимаю, зачем мы сюда пришли. Куда мы дальше направим свои стопы? – спросил Лев.

– Я думаю, для начала надо посетить кучку яранг, что прилепилась к склону вон той сопочки, – ответил Михаил.

– Там не только яранги, два дома видно.

– Если есть дома, значит, есть русское начальство. Я думаю, нам надо поговорить с ними. Предъявим свои документы. Скажем, что хотим на фронт.

Они внимательно осматривали окрестности.

– Гляди, там за озером виден еще посёлок. Видишь, слева речка, потом озеро, а дальше маленький посёлок. Наверное, о нём говорил Вэкэт. Пlover, кажется, так он называл.

Лёва с интересом осматривал окрестности.

– Так куда же пойдём? Лев, давай сначала определимся с нашими целями и желаниями.

– Хорошо. Но я бы хотел прежде выслушать тебя. А потом возразить или согласиться, – ответил Лев.

– Я хочу как можно скорее распрощаться с этим никчёмным существованием. Страна ведёт войну. Я не хочу быть паразитом, дезертиром. Неважно, как я попаду на фронт. Пусть это будет через лагерь, но я военнообязанный, я здоров, я должен защищать Родину, жену и детей. Мне всё равно, в какой посёлок сейчас отправиться.

– Спорить против этого трудно. Я, пожалуй, соглашусь. Но имей в виду, я иду за тобой. У нас было множество возможностей, мы могли сделать другой выбор: остаться на Чукотке и переждать войну, скрыться так, что нас ни один оперотряд не разыщет. Мы могли уйти к чукчам и жить их жизнью. Учитывая, что шаман оставил тебя на своём месте, обеспечил твою жизнь имуществом и ярангой, ты имел бы достаточную власть в этом краю. Но ты выбрал, что хотел. Не передумаешь? Нам ещё не поздно развернуться.

– Лев, всё другое – не моё.

– Тогда пошли в этот чукотский аул.

Этот шаг определил их путь. Они так и не показали свои документы. Их нечаянный спутник Дубинин уже был допрошен и ожидал своей участи. Когда они подошли к одному из домов, дверь сама открылась им навстречу, и высокий человек с большой бородой приветливо сказал:

– Я уже давно вас жду.

Начался новый этап их жизни. Не так быстро, как ожидали, они соединились с лагерем, изъявившим желание уйти на фронт.

Боевое крещение

Меня вызвали в медотдел армии, вручили предписание явиться в девятую бригаду шестого танкового корпуса. Накормили обедом и дали немного отдохнуть.

Минут через сорок в палатку вошёл майор медицинской службы, предложил следовать за ним. Мы шли перелеском. Где-то, не очень далеко, слышались разрывы снарядов большого калибра; над головой в чистом, безоблачном небе пролетали звенья самолётов. Чувствовалось приближение фронта. Я ощутил лёгкий озноб. Неожиданно мой спутник остановился и сказал:

– В бригаде работал молодой врач. Он страшно боялся бомбёжек и обстрелов. Хотел убежать от разрывов, а нарвался на свой осколок. Ему, бедняге, оторвало голову. Запомни: осколки от разорвавшихся мин, снарядов и бомб разлетаются в стороны, образуя перевернутый вершиной к земле «зонт». Не бегай под обстрелом, бомбёжкой. Людям ты нужен живой. Лучше прижмись к земле-матушке или пережди в окопе, канаве. Тогда только прямое попадание – смерть.

Я внимательно слушал и смотрел в его печальные усталые добрые глаза. Этот простой и мудрый, такой необходимый сейчас совет остался в моей душе надолго, на всю жизнь. Я не помню его имени, но вижу перед собой его смуглое, с крупными чертами лицо, большие натруженные руки, седой ёжик волос.

– Благодарю вас за этот своевременный совет.

Он вздохнул.

– Сын у меня погиб на фронте, – сказал он потухшим голосом. – Идём скорее.

Мы быстро пошли к месту назначения. У меня сжималось сердце от боли за этого человека, за отца, потерявшего сына. Я не говорил слов сочувствия, но он понял.

– Некогда на войне горевать. Здесь кругом смерть и боль. Думай о том, что впереди тебе надо спасать людей. Крепи своё сердце.

Меня спешно отправили в моторизованный батальон автоматчиков вместо погибшего накануне врача. В батальоне не было времени осваиваться. На лесной песчаной дороге выстраивались в колонну большие грузовые машины с открытыми кузовами. На скамейки усаживались солдаты с автоматами и ручными пулемётами. За ними подъезжали крытые брезентом грузовики с прицепами длинноствольных противотанковых пушек. Через несколько минут колонна тронулась. Я сидел рядом с шофёром. С разных сторон слышались разрывы крупнокалиберных снарядов. Над нами, на бреющем, пролетали самолёты. Я понял: совсем недавно здесь шёл тяжёлый бой. Земля кругом была изрыта окопами и глубокими воронками от снарядов. Валялись убитые лошади, разбитые машины, покорёженные танки и пушки, и наши и немецкие, перевернутые повозки. Пулемётные и автоматные перестрелки предупреждали – рядом передовая. Мне стало страшно.

Автоматчики пошли вслед за танками на прорыв обороны немцев. Я должен был бежать вслед, чтобы спасти раненых. Нам не было видно, что делается впереди. Началась бешеная перестрелка. Засвистели противопехотные мины. Одна мина разорвалась на бруствере ячейки около моей головы. На спину стал падать дождь из комков земли. Я ощутил панический страх. Бежать, только бежать. Мысленно я уже бежал. Но вовремя вспомнил совет моего провожатого. Не знаю, как подавил страх. На мгновение вжался в землю, вспомнил, кто я и зачем здесь. А вдруг кто-то заметил мою трусость? Горячая волна стыда обдала жаром всё тело. Я поднял глаза и увидел, что рядом лежат два солдата – связной и телефонист. Быстро подполз к ним. Они были мертвы, ещё двое ранены. Быстро перевязал их, наложил шину, жгут. Некогда было бояться. Мы поднялись на высоту и двинулись за своим батальоном. Немцы быстро отходили. Периодически выставляли заслоны из автоматчиков с пулемётами и миномётами. Раненых было много. Санитарной машины не было, – она ушла с предыдущей группой ране-

ных. Поэтому сейчас раненых надо было отправлять на попутных машинах, которые подвозили снаряды, патроны и продукты.

Так я прошёл боевое крещение, познал войну, безжалостную грязную бойню, кровь. Раненые, убитые, человеческое страдание, израненная земля, покорёженные, вырванные с корнем деревья, пожары, разрушенные и сожженные деревни, трупы женщин и детей, стариков и солдат – бессмысленный хаос войны. Зачем, кому это нужно? Гитлер, фюрер – будь он проклят во веки веков! Почему здравомыслящая нация позволила ему превратить себя в зверей? Когда я вижу эти пережитые картины войны, холод пронизывает всё тело, волосы встают дыбом, душа наполняется ужасом и ненавистью даже сейчас, спустя столько лет. Я стараюсь прогнать эти картины.

Потом было много всякого: бои, раненые, изредка отдых. Наша санитарная машина чаще всего отправлялась в тыл с ранеными. Долго путешествовала. Мы, врачи и санитары, стремились не отставать от своей танковой бригады. Нашим транспортом мог быть и бронетранспортер, и танк. Главное – быть в гуще боя, помогать раненым, вытаскивать их из огня, отправлять в ближайшие медпункты, госпитали на лечение.

* * *

Однажды танкисты захватили великолепный трофей – большой немецкий санитарный автобус с отоплением, медикаментами, постельным бельём, запасом пищи и дров. В два яруса в нём были подвешены носилки, для легкораненых – удобные сиденья. У нас таких машин не было. Это был праздник! Мы разместили в нём своих раненых, накормили, напоили горячим чаем.

Я попросил командира батальона выделить мне группу автоматчиков. И мы, обвешанные автоматами и гранатами, двинулись по опустевшим домам и магазинам. Жителей нигде не видно. Мы запаслись съестным для раненых. На центральной улице стояла прекрасная аптека. Мы набрали в вещмешки лекарства, настойки, пачки с травами: кровоостанавливающими, противовоспалительными, противомикробными, ранозаживляющими. Отнесли всё это в нашу чудесную санитарную машину.

Когда благополучно добрались до своих тылов, санитарный автобус отправили с ранеными в медсанбат. Оттуда его, не разгружая, отправили в госпиталь. Больше мы его не видели.

* * *

Этот бой врезался мне в память. Мы должны были выбить немцев из небольшого, но хорошо укрепленного немцами городка. На окраине города около железнодорожной насыпи возвышалась стена элеватора. Было тихо. Наши пушки заняли позиции; расчёты засуетились у пушек. Через минуту несколько снарядов полетели в элеватор. Их разрывы хорошо были видны на его бетонной стене, но он как стоял, так и стоял. Немцы молчали. Мы решили двигаться к городу. Но в это время из-за домов вылезли белые, крашенные под снег танки. Повернулась башня, раздался раскатистый выстрел, одна из наших пушек закрылась дымом разрыва. Начался ужас. Наши пушки одна за другой были разбиты. Это было как в игре, казалось ненатуральным. Кто-то рядом закричал:

– Пэтээрщики! К бою! Ложись за вагоны и по танкам огонь!

На больших пулемётных санях, запряжённых парой коней, мы понеслись к пушкам. Четверых раненых закинули в сани. Кони пошли крупной рысью. С танков застрочили пулемёты, пули рядом вспороли снег. Я увидел за цистерной раненого Лёву. Я прыгнул, обнял его за плечи, притянул к себе.

Удар! Небо опрокинулось. Стало темно и тихо. Потом пронеслась мысль:

«Отвоевался. Зачем меня убили? Меня разорвало? Почему нет боли? Где ноги, руки? Где я?».

Рядом был снег, ноздреватый от тёплой крови. «Я убит. Зачем? Кому это нужно? Неужели у всех умирающих такие глупые мысли?»

Я осторожно повернул голову в другую сторону. Рядом лежал Лёва в таком же красном ноздреватом снегу. Поле, снег и дорога. Понял – лежу на спине посередине дороги. «Танки где? Пойдут – раздавят. Надо ползти к вагонам, к насыпи. Ноги не оторваны. Я не убит». Попробовал повернуться со спины на живот. Получилось. «Ползти, надо ползти». Через некоторое время я очнулся. Подумал: «Где я? Где Лёва?» Лёва был рядом. Но мы лежали не на дороге. Я обхватил его за плечи, пополз и поволок его от дороги подальше. Опять провалился в беспамятство. Когда вновь очнулся, удивился. Место снова изменилось. Лев лежал рядом и стонал. Потом замолк. Так мы волокли друг друга. Кто очнётся, тот и тащит, как может. Я вновь потерял сознание.

Плен

Я не умер, но очнулся за колючей проволокой. Было темно. Слышалась немецкая речь. Я не помню, сколько мы лежали на голой земле за этой колючей проволокой. Не знаю, кто меня перевязывал. Временами приходило сознание. И тогда видел себя на скрипучей телеге. Рядом шагали измождённые голодные бессильные люди. Всех гнали немцы с автоматами. Куда мы двигались? Плен. Осознание этого ржавым горячим гвоздём впивалось в мозг. Я снова терял сознание. Потом был лагерь и госпиталь, где я стал работать, когда окреп. Не хочу вспоминать это время. Голод, грязь, вонь, вши, больные измученные люди и трупы. Очень много трупов. А ещё ублюдки, жестокие мерзкие ублюдки – полицаи.

Я искал Лёву, но его нигде не было. Вероятно, его расстреляли. Ведь он был евреем. Но где-то в глубине сознания была надежда, что он жив. Смутно помнилось, что была ночь. Это, наверное, Лев прошептал мне в ухо: «Прощай. Мне надо уходить. Сейчас почти все спят. Я попробую. Иначе всё равно расстреляют». Я слышал это то ли явно, то ли нет, когда лежал почти без сознания на той телеге.

Мне нужно было помочь ему выжить. Но как? Все, кого гнали фашисты по этой дороге в плен, были русскими. Не важно, кто русич, кто татарин, кто узбек, кто еврей. Ему, такому русскому, смертельная опасность грозила вдвойне: и потому, что он русский, и потому, что он еврей.

* * *

Я прошёл несколько лагерей: на Украине, в Польше, в Германии. Нас отправляли на разные работы. Лучше всего было работать в хозяйстве у немецких фермеров. Охрана над тобой не стоит. Накормят. Если удастся что-нибудь прихватить с собой, поделишься с соседями по нарам. Фрау Мазер, высокая дородная немка с круглым, слегка одутловатым лицом, и чёрными, как смоль, волосами, старалась брать на работу чаще всего меня. Мы работали на огороде. Время шло к вечеру. К дому подкатил автомобиль. Из него вышел молодой немецкий офицер и великолепная фрау. Я узнал её по тому, как внезапно забилося моё сердце. Это была она, Люська. А сердце забилося так, что внезапно потемнело в глазах, земля качнулась. Я медленно сел на землю. Я был очень слаб и не хотел попадаться ей на глаза в таком жалком виде. Фрау Мазер с сияющей улыбкой встречала гостей. А я быстро отвернулся и стал копать в земле.

Хозяйка и гости о чём-то говорили. Потом пошли по саду. Взглянули на огород. Фрау Мазер сказала:

– На сегодня ваша работа закончена.

А Берг (это был он) спросил:

– Кто это у вас?

– Я беру в лагере пленных для помощи по хозяйству.

Я не смотрел в их сторону и думал, что меня не узнали. Однако напрасно. Берг увлечённо заговорил о чём-то с хозяйкой. А Людмила подошла ко мне. Я вынужден был посмотреть на неё. Она молчала и пристально смотрела мне в глаза. Потом произнесла одно лишь слово: «Жди». И быстро вернулась к хозяйке и Бергу. Меня с товарищем отправили в лагерь.

Через неделю фрау Мазер взяла меня в город за покупками. Я добросовестно исполнял роль грузчика. Когда она ушла в магазин, подъехала машина, открылась дверца, и Людмила поманила меня пальцем.

– Скорее! Ложись между сиденьями.

Я нырнул в машину. Думал, что мы сейчас помчимся на огромной скорости. Но Людмила дождалась фрау Мазер. Они стали оживлённо болтать. На прощание расцеловались, и мы спокойно поехали дальше. Всё это время я лежал, замерев, между сиденьями. Мы остановились около клиники.

– Я сейчас, – сказала Людмила.

Через некоторое время она вышла вместе с доктором. Он сел в машину, и мы ехали около часа. Небольшой уютный домик с палисадником приветливо принял нас. Всё просто. Мой побег был спокойным, без единого выстрела и трагедий. Я прожил у доктора неделю. За это время отмылся, слегка отъелся, стал похож на обычного человека. Людмилу я больше не видел. Доктор был приветлив, но очень скуп на слова. Через неделю он меня отвёз в Берлин. В Берлине я влился в отряд сопротивления и выполнял задания доктора, одновременно официально я был родственником и вторым доктором его клиники.

Здесь я понял происхождение братства между людьми. Мы стали братьями в своей борьбе против фашистов и фашизма; это был тот узел, который связывал людей разных национальностей, разных стран, разных убеждений в единый узел.

Ни Людмилу, ни Берга я у доктора не встречал. Но поручения мне доктор давал регулярно. Значит, были незаметные тайные каналы связи.

Неожиданные гости

В годовщину смерти Михаила Михайловича приехали неожиданные гости: пожилой мужчина с родственником. Невысокого роста, черноглазый, круглолицый, с шапкой седых кудрявых волос, незнакомец был весьма обаятельным, общительным и располагающим к себе человеком. Несмотря на возраст, его глаза были детски чисты и наивны.

– Зеников Андрей Григорьевич, – представился он. Приветливая улыбка осветила его лицо. – Я хотел бы видеть Михаила Михайловича.

– Простите, Михаила Михайловича нет, – сказал Роман.

– Вы, очевидно, сын Михаила Михайловича? Отец вам ничего про меня не рассказывал?

– Нет. Я не знаю вас.

– Мы встречались с вашим отцом на прииске Фролыч на Колыме в тысяча девятьсот тридцать восьмом – тридцать девятом годах. А потом наши пути разошлись. Я пишу книгу о Колыме, и мне очень хотелось поговорить с ним. События того времени принадлежат истории, очень интересны и, я бы сказал, необыкновенны.

– Его нет.

– А где он?

– Он умер год тому назад.

– О, простите.

Зеников смотрел виновато и сочувствующе. Но уходить не собирался.

– Может быть, вы всё-таки уделите мне немного времени? Мы с племянником так далеко ехали...

– Да, конечно, проходите.

Роман обратил внимание на племянника. Он был совершенно не похож на своего дядю.

Высокий, худой и жилистый мужчина около сорока лет, глаза серые, почти стальные, и ни тени улыбки на суровом лице. В отличие от дяди он всё время молчал.

Гостей радушно приняли, усадили за стол, накормили. За ужином Андрей Григорьевич говорил о далёком прииске Фролыч.

– Вы себе не представляете жизнь на этом прииске. Отец когда-нибудь рассказывал о своей жизни на Колыме?

– Нет, он не любил рассказывать про лагерь. Просто мы знали, что он был осуждён в тридцать восьмом и попал на Колыму. Вы тоже были осуждены?

– Нет, меня с женой угораздило завербоваться. Я работал в правлении прииска. Жизнь на Севере трудна, поэтому, наверное, ваш отец и не рассказывал о своих странствиях.

– Он рассказывал про тундру, про шамана, который его с другом спас от смерти.

– Вот видите, это же необыкновенно интересно. А какие-нибудь записи он не оставлял?

– Нет! Мой отец всю сознательную жизнь был занят только одним – своей работой. Он ведь медик. И я тоже медик. Вот на эти темы мы больше всего и говорили. Извините, сейчас уже поздно. Нам надо уложить детей. Нина, ты иди к детям. Где вы остановились, Андрей Григорьевич?

– Боже мой, мы не подумали о ночлеге! Торопились к вам попасть, поговорить с вашим отцом. Я ни о чём не мог думать, предстоящая встреча меня очень волновала. Надо скорее идти в гостиницу. Вы можете нам посоветовать, где лучше остановиться?

– Боюсь, что в это время попасть в городскую гостиницу в номер будет трудно. В ТНЦ¹ какой-то симпозиум. У нас свободна комната отца. Вы можете отдохнуть в ней, если вас устроит. А каковы ваши планы на завтра?

¹ ТНЦ – Томский научный центр. – *Примеч. авт.*

– Безусловно, устроит комната. Спасибо. После ужина выходить опять на мороз не хочется. Завтра мы, очевидно, уедем домой в Москву. У меня договор с издательством. Время поджимает, – ответил Зеников с достоинством.

– Спокойной ночи, – пожелала Нина гостям. – Желаю хорошо отдохнуть.

Роман проводил гостей в свободную комнату. Достал из комода комплект чистого постельного белья и положил его на диван.

– Вот вам постель. Располагайтесь, пожалуйста, на диване. Пройдите в ванну, примите душ. После длинной дороги не мешает освежиться. Кровать отца мы пока не трогаем. Раскладывайте диван. Он достаточно широк. Спокойной ночи.

– Большое спасибо. Мы с дороги устали. Будем спать как убитые, – ответил Зеников.

Роман вернулся в прихожую и хотел позвонить. Но телефон молчал. «Интересное кино: телефон молчит. Надо обязательно завтра отремонтировать», – подумал он и пошёл спать. День был трудным. Он устал. О давнем предупреждении следователя он не вспомнил.

* * *

Неожиданно легко гости оказались в нужной комнате. Они огляделись.

– Ты, офуярок, че притащил меня сюда? Хрена тут шурудить? Нищета!

– Брось ругаться, Копчёный. Хочешь разговаривать, говори человеческим языком, не оскорбляй меня. К тому же я по фене не ботаю. Тебе доктор объяснял. Объяснял тебе доктор?

– Ладно, хрен с тобой.

Всем своим видом Зеников показывал, как он доволен. Он улыбался, потирал довольно руки.

– Ну, че ты лыбишься? Чего шары вытаращил? Можно подумать, клад нашёл.

Зеников перестал улыбаться. Оглядел бедные стены уважаемого медика: кровать с металлическими спинками, над ней древний немудрящий ковёр, письменный стол, потёртое кресло, старый деревянный секретер, платяной шкаф, в углу громоздкий раскладной диван. На полках книги в основном по медицине и стопка старых медицинских журналов. Радостное возбуждение сменилось недоумением.

– Куда-то же делось это богатство? Я сам видел четыре больших шкатулки с золотыми самородками и изделиями. Близинский делал кольца, серьги, браслеты, колье. Берг разделил всё на четыре части и каждому выделил долю. Себе взял две и удрал в Америку перед самой войной. Близинский тоже жил вроде не очень богато. А как тряхнули, золотишко и даже камушки посыпались. И шкатулка та колымская была жива. Жива шкатулка!

– Но он же шмуть и ювелир. А у этого жида вы не спрашивали, когда пытали, про его подельника?

– Конечно, спрашивали. Он сказал, что Берг всё своё увёз с собой: две шкатулки и ящики с золотыми самородками. Шкатулка Романова в самолёте осталась. Романов был ранен пограничниками при входе в самолёт и упал за борт, а друг его Близинский выпрыгнул вслед за ним из самолёта. Выпрыгнул вслед за Романовым из самолёта, понимаешь! Вход быстро закрылся, самолёт взлетел под носом у пограничников. Пока пограничники смотрели на улетающий самолёт, друзей забрали чукчи, которые в это время мчались на собаках через поляну. Пограничники сразу и не врубались. Видел кто-то мельком, что что-то выпало из самолёта. А что или кто, не разглядели. Только потом, когда самолёт улетел, осмотрели место и разглядели след от нартов. Чукчи сказали пограничникам, что они подобрали два трупа и похоронили их в яме. Даже яму показали и кровь на снегу.

– Ну, так и что ты шухер поднял? И откуда ты про всё это знаешь? Как будто там был.

– Близинский рассказал. Да не верю я в это! Я видел в шелку в стене, как они складывали свои шкатулки в рюкзак. А он был за плечами. Сам посуди, он же не мог в дверях снять этот рюкзак, пока не прошёл по салону самолёта.

– Отчего же ты, старый мудак, больше тридцати лет молчал?

– Я же не был с ними рядом, когда самолёт взлетал. А доктор узнал от пограничников, что эти двое закончили свой земной путь.

– Закончили свой земной путь! – передразнил Копчёный. – Интеллигент вшивый! Ну а на том месте, где они закончили свой путь, вы с доктором не могли шмон устроить?

– Конечно, не могли. Пограничники сказали доктору, что мимо мчались чукчи на собаках. Они их подобрали и умчались в тундру. Доктор очень переживал. Но у чукчей не пойдёшь спрашивать шкатулки с золотыми самородками. Пограничникам эти два трупа были до лампы. Тем более эки. Пограничники вроде проверяли, ходили к чукчам. Шаман сказал, что они их похоронили. И даже яму им показали. Я же тебе только что рассказал!

– А как ты узнал, что они живы?

– Я случайно в Москве год тому назад встретил этого ювелира и узнал его сразу, хотя много лет прошло.

– Ну а он, он узнал тебя?

– Да как он узнает? Я же на него в щелочку смотрел, когда наблюдал за ними по поручению доктора. А он меня, почитай, ни разу и не видал. Я его и выследил. Узнал, где и как живёт. А на следующий день мы ему помогли освободиться окончательно от того колымского груза. Естественно, ещё кое-что прихватили. Хорошо, что мне письмо на глаза попало.

– Какое письмо?

– Письмо из Томска от Романова. Не врубаешься, что ли? От старика, который умер. В этой комнате жил. Адрес этот я взял там.

– Так надо было сразу, в тот же день заявиться, по горячим следам.

– В тот же день из Москвы в Томск? По горячим следам нас здесь менты могли сразу изжарить. В Москве они нас чуть за пятки не схватили. Я вернулся взять письма, на них мои пальчики остались. А там уже менты. Выждать надо было. По этому адресу они нас в первую очередь ожидали. Ожидали они нас по этому адресу в первую очередь, – сказал Зеников раздельно. – А я не догадался взять эти письма с собой сразу. Увидел адрес и обрадовался. Взял один конверт и только потом сообразил, что оставил ниточку ментам.

– Ну а сейчас? Не будет ли нам хреново?

– Да забыли они давно. Думаешь, целый год помнить будут? У них других дел невпроворот.

– Роман сказал, что это комната его отца. Давай шмонать пол и стены. Может быть, есть тайник?

Они плотно прикрыли дверь и включили свет, огляделись.

– Начнём со стен. Пол надо простукивать, а стены можно тщательно осмотреть.

– Кудряш, тайник может быть за картиной или за ковром. Лезь, снимай картину. Будем шнырять.

– Погоди, надень перчатки, и я надену. Наследить нельзя. Я целый год носа не высовывал, потому что на письмах мои пальчики остались. Лезь ты. Я не достану, высоко висит.

Они надели перчатки и принялись искать тайник. Копчёный поднял картину. Но никакого тайника не обнаружил. Залезли на кровать и стали поднимать ковёр.

– Есть! – чуть не закричал Зеников.

– Тихо, ты, падла! Разбудишь хозяев.

Сейф был закрыт, и им пришлось повозиться, прежде чем его крышка открылась.

– Смотри, какая-то папка. А шкатулки нет. Но если есть сейф, значит, в нём что-то было серьезнее бумаг.

Кудряш посмотрел на Копчёного торжествующим взглядом.

– Чего улыбишься, как будто уже всё дело в шляпе?

– Придётся здорово тряхнуть этого Романа. И делать это надо сейчас, пока мы здесь и нас не попросили оставить этот дом. Иди, тащи его сюда. Вырубишь, скрутишь его и заклеишь рот.

– Не учи. Сам знаю.

– Давай договоримся. Сначала разговариваем мирно. Если не поймёт, тогда применим всё остальное. Ты, конечно, спец своего дела. Но надо понимать, он не должен отдать концы прежде, чем мы получим нужный ответ. И он не должен орать от боли. В наших интересах, чтобы жена и дети спали. Шума меньше. Да и соседи могут услышать.

– Ладно. Ты пока старший. Но помни, что нам шеф приказал, свидетелей не оставлять, – ответил Копчёный.

Кудряш остался на месте, а Копчёный через минуту притащил Романа. Усадил его в кресло. Прикрутил руки и ноги изолентой. Заклеил рот пластырем. Сел, довольный своей работой, напротив.

– Подождём, пока очухается.

– Долго ждать?

– Да минут пять или меньше.

Роман очнулся от сильной боли в шее. Потрогать рукой заболевшее неизвестно почему место не удалось, рука не слушалась. К тому же почему-то горел яркий свет. Роман открыл глаза и увидел себя сидящим в отцовском кресле со связанными и прикрученными к креслу руками и ногами. Хотел спросить, в чём дело. Но рот был заклеен. «Да, здорово я попался, – подумал Роман. – Отец не зря предупреждал. И следовательно говорил, чтоб непременно позвонил. Шляпа!»

– Ну, вот и очухался. А теперь слухай сюда. Твоя шмара и дети спят. Будешь кричать, недоносок, разбудишь, им плохо будет. Поэтому сиди смирно и не рыпайся. Отвечай на поставленные вопросы. Я сейчас открою хавальник. Разевай его, только когда спросят.

Копчёный сдёрнул липкую ленту со рта.

– Спрашивай, Кудряш.

– В стене под ковром мы нашли сейф. Он почему-то пустой. Вернее, там была какая-то папка с бумагами. Но если был сейф, значит, в нём что-то было более существенное, чем эта папка с трухлявыми бумагами. Что там было?

– А вы почему шаритесь по комнате? Вас положили отдыхать, а вы сейфы ищете.

– Слышь, Кудряш, он не понимает. Дай я ему объясню.

Копчёный подошёл к Роману особой мягкой походкой блатного кота, картинно взял его за подбородок.

– Подожди, Копчёный! Слушай, Роман, мы пришли не затем, чтобы отдыхать в комнате твоего отца. Мы пришли за шкатулкой. Ты знаешь, за какой шкатулкой.

– Никакой шкатулки я у своего отца не видал. Тем более, не знаю ни о каком сейфе. Вы что-то путаете. Где вы видите здесь сейф?

– Копчёный, покажи ему.

Копчёный встал ногами на кровать и содрал ковёр.

– Теперь видишь?

Роман воззрился на сейф, как будто впервые его увидел.

– Отец перед смертью ничего тебе не передавал?

– Нет.

– Ты дурочку не валяй, – вмешался Копчёный. – От нас не отвертись.

Копчёный стал медленно доставать из чемодана орудия пытки. Последней вытащил финку. Зеников повторил вопрос:

– Ну, так что было в сейфе? Учти, ты не один. У тебя жена и дети рядом. Мы из тебя вытянем всё, что нам надо. Или ты хочешь, чтоб твоей жене паяльником личико подправили?

Роман похолодел. На волоске жизнь не только его, но и семьи. Что бы ни было в той шкатулке, провались она пропадом, а рисковать семьёй он не намерен.

– Я скажу вам то, что знаю. Но вы должны мне поклясться, что семью не тронете. Обещаете?

– Обещаем, – сказал Зеников.

– Нет. Не так. Вот сначала ты. – Роман кивнул на Копчёного. – Говори: Христом Богом клянусь, что не трону семью, если узнаю правду о том, что было в сейфе. Повтори.

– С чего я тебе должен клясться, интеллигент паршивый? – Дальше последовало выражение, очевидно, выражавшее отношение Копчёного к предложению Романа.

– Поклянись, Копчёный, что тебе стоит? Быстрее всё узнаем, – постарался убедить Кудряш.

– Так он же требует Христом Богом поклясться!

– Ну и что? Ты же всё равно неверующий.

– Это как посмотреть. Ну да ладно, семью можно и не трогать при случае, если он скажет правду. Только он тоже должен поклясться Христом Богом.

– Я поклянусь и скажу, если вы поклянётесь. А нарушите клятву, Бог накажет. Это уж точно.

Копчёный произнес клятву.

– Ну, это... Христом клянусь, не трону твою семью, если скажешь правду о шкатулке. Всё. Понял.

Роману было важно, чтобы бандиты поверили ему. А серьёзное отношение к такой клятве Копчёного утвердило его в правильности своих действий. Но теперь Кудряш вызывал у него недоверие. И он ясно вспомнил предупреждение следователя о том, что подозреваемый им человек не вызывает отрицательных эмоций. «Шляпа!» – обругал он себя ещё раз.

– А теперь ты, – сказал Роман Зеникову.

Зеников повторил:

– Я клянусь, Христом Богом клянусь, что не трону семью, если узнаю правду о том, что было в сейфе.

Наступила очередь Романа.

– Я клянусь, Христом Богом клянусь, что говорю правду. Я не знаю, что было у отца в сейфе. Я знаю только то, что там действительно была шкатулка. Я ее не открывал. Отец просил перед смертью её спрятать, и я спрятал.

– Где? – спросили гости хором.

– Сейчас её не найти. Я спрятал её на даче, зарыл в землю. Причём не на своей, а на соседской, заброшенной. Отец велел спрятать надёжно. Сейчас зима. Здесь Сибирь. Морозы в этом году жестокие. Земля промёрзла на полтора метра. Шкатулку откопать можно только весной, когда сойдёт снег.

Такой неожиданный ответ выбивал почву из-под ног бандитов. Убить хозяина не выходило. Оставлять в живых было нельзя.

– А твоя жена знает об этом?

– Нет. Отец мне сказал, чтобы я ей ничего не говорил. Меньше знает, спокойней спит.

– Это точно. Только вряд ли ей придётся спать спокойно. Пиши ей письмо и пойдёшь с нами, – распорядился Кудряш.

– Не вмешивайте её. Вы мне обещали.

Копчёный загоготал.

– Ишь, как заботится о своей бабе! Если я поклялся, значит, не трону.

– Тихо, ты! Пусть она спит. Тревожиться будет, когда наступит утро. А мы к тому времени будем далеко, – сказал Кудряш.

– Как я буду писать со связанными руками?

– Копчёный, развяжи ему руки. Я покараулю.

Кудряш и Копчёный подвинули кресло с Романом к столу. Кудряш встал перед столом и направил оружие Роману в лоб.

– Когда умер отец? Зимой? – спросил Зеников.

– Зимой. В январе, после Нового года.

– Ну, так что ты заливаешь? Или в прошлом году земля не была мёрзлая? Как ты яму для шкатулки копал? Говори, а то шлёпну!

Зеников выразительно покачал пистолетом у Романа перед глазами.

– Я её сначала унёс на работу, поставил в сейф с лекарствами. А летом перепрятал. В отпуск уходил, кабинет на ремонт ставили, а потом в нём другой врач работал.

– Теперь, Копчёный, развяжи одну руку.

– Как я развяжу одну руку, когда они вместе прикручены?

– Развяжи две руки! Слышь, Роман, одно движение не туда – и я стреляю.

– Понятно.

Копчёный освободил руки.

– Что писать?

– На первом листе нарисуй план участка и как найти шкатулку. Всё должно быть понятно. На втором листе напишешь прощальное письмо жене. Если что укажешь неверно, расплатятся твоя жена и детки.

«Кончать будут, – подумал про себя Роман. Холодом охватило тело, заныло сердце. – Стоп. Время надо тянуть и не трусить».

Тихий шорох за дверью. Роман понял, что Нина проснулась. А она действительно проснулась и услышала ставший уже громким разговор. Она тихо босиком подошла к двери и увидела в щелочку Зеникова с пистолетом. Первым побуждением было закричать. Но она закрыла рот руками и стала лихорадочно думать. «Дети. Дети должны спать». Очень тихо она прошла в прихожую. Подняла трубку телефона, но телефон молчал.

Роман стал чертить ручкой план, писать названия, пояснять.

– Ехать надо на электричке до станции Каштак. Общество «Пчелка». Наша дача номер сорок девять. Напротив дача заброшенная. Там всё травой заросло. Перед крыльцом растет на грядке бадан. В конце этой грядки я выкопал яму. В неё и закопал шкатулку. Надеюсь, не заблудитесь. Найти проще простого.

– А что это такое – бадан?

– Растение с большими кожистыми листьями.

– Как мы его узнаем?

– В справочнике посмотрите, у людей спросите про бадан. Времени до весны достаточно, чтобы выяснить. Да его и так сразу видно, на грядке только листья большие и круглые, они даже под снегом зелёные.

– Брось, Копчёный, приставай к человеку, – остановил его Кудряш.

– Ладно, пушай письмо сочиняет.

– Пиши письмо жене, – потребовал Зеников.

Роман подвинул к себе лист и написал:

«Милая жёнка, не хочу тебя будить. Я уезжаю с нашими гостями ненадолго. Приеду, всё расскажу. Не волнуйся. Роман».

– Всё.

Копчёному стало интересно, что Роман так быстро написал жене. Он подошёл к столу и встал рядом с Зениковым. Слегка наклонился.

«Надо перевернуть на них стол», – подумал Роман. Мозг его лихорадочно работал. «Нет, пока рано. Они же не понесут меня на руках. Попробую убедить освободить ноги. У них оружие, они должны быть уверены в себе».

– Годится.

– Теперь одевайся и тихо линияем. Электрички ходят зимой в направлении дачи?

– Ходят. Но идти надо по пояс в снегу большое расстояние. От электрички зимней дороги нет. Да и копать сейчас невозможно.

– Это нам невозможно. А ты пойдёшь впереди. Дорогу проложишь, и копать будешь сам, – ответил Зеников.

– Ноги развяжите. Или нести собираетесь?

Копчёный наклонился и разрезал путы на ногах. Когда он поднимался с коленок, Роман двинул ему ногой по зубам и одновременно перевернул стол на Зеникова. Кудряш не ожидал удара и со всего маха упал навзничь на спину, сильно стукнулся головой о пол. Пистолет выстрелил вверх, отлетел и ударился о стенку. Роман перепрыгнул через упавший стол и успел схватить оружие. Не раздумывая, он выстрелил в поднимающегося Копчёного. Тот упал и больше не двигался.

– Встать! – скомандовал Роман Зеникову. Раздался звонок и стук в дверь.

– Нина, открой скорее дверь!

Вошли следователь и два милиционера.

Огарёв был встревожен. Оглядел место сражения: перевёрнутый стол, убитого на полу, жалкого Зеникова под дулом пистолета.

– Ну, как, туго пришлось? А этот что, получил всё сполна?

Огарёв подошёл к Копчёному.

– Метко стреляешь, Роман.

– Да это я с перепугу. У меня был только один момент. Я подумал: сейчас или никогда.

– Мы стоим, прислушиваемся. Дверь закрыта. Ломиться или звонить нельзя. Мало ли что у вас происходит. Услышали выстрел. У меня сердце оборвалось. Надо звонить. Просто так дверь не выломаешь. А тут второй выстрел! Ты не представляешь, как я испугался, – сказал следователь.

– У меня не было другого выхода. Или я его, или они меня. Первый выстрел Зеникова прозвучал в тот момент, когда я на него стол перевернул. Он стрелял в меня и промазал. А потом уж я схватил оружие и наугад выстрелил в Копчёного, когда он поднимался с пола. Я его по зубам ногами двинул. Он на корточках сидел, мне ноги развязывал. Положение неустойчивое. Я этим воспользовался. Они меня хотели вывести на улицу и там в расход пустить. Так ведь, Андрей Григорьевич?

– Да, так, – ответил Зеников.

– А телефон? Почему не звонили? – спросил следователь.

– Телефон молчит, отключен, – сказала Нина. – Я хотела звонить, когда проснулась и увидела, как этот, – она показала на Зеникова, – размахивает пистолетом у Романа перед носом.

– Ты смотри, успели подготовиться, – отметил вполголоса Огарёв, – отрезали телефон.

Роман подошёл к следователю.

– Как это тебе удалось, Роман?

– Сам не знаю, как. Понял, что выведут и прикончат. Услышал шорох за дверью. Испугался, что Нина проснулась и вся семья может пострадать. Они же свидетелей не оставят. Вот и сделал отчаянный цирковой трюк. Одному в зубы ногой дал со всего маху, когда он от пут мои ноги освободил, на другого стол перевернул. Оружие вовремя в руки попало. Я же говорю, у меня был только один момент.

– Роман, что они требовали?

– Спрашивали записи отца о Колыме, шкатулку с драгоценностями, как я понял.

– Ты знаешь, что это за шкатулка?

– Отец перед смертью в Новогодний вечер подарил жене гарнитур. Нина, покажи следователю! Отец сказал, что он очень дорогой и принадлежал матери. Делал его Лев Близинский, специально для мамы. Очевидно, он хранился в этом сейфе. Ещё в сейфе лежала вот эта папка. Они сказали, с дермовыми бумагами.

– Мы целый год этих подонков искали, обнаружили буквально перед отъездом. Ввели их от Москвы до станции Тайга. Там они ждали кого-то. Может быть, шефа, а может быть, проверялись, нет ли хвоста. Когда они пришли к вам, мы ждали звонка, как с тобой условились. Звонка нет и нет, и вдруг сигнализация сработала.

– Я как-то не подумал на этого. Он такой симпатичный старик, – пояснил Роман, – сказал, что книгу о Колыме пишет, договор с редакцией. Приехал с отцом поговорить. Ну, мы их накормили и оставили у себя переночевать. Одним словом, я прошляпил. А телефон не работает.

– Всю жизнь проскальзывает этот «симпатичный». Скользкий он и мерзкий. Мы его давно ищем. Он на Колыме с фашистским шпионом работал. Тот скрылся в последний момент. В сорок восьмом принимал участие в диверсии в Магаданской бухте в Охотске. Расследование было долгим. Он сумел скрыться. С поличным первый раз взяли, – ответил следователь. – Ну, ничего, теперь не отвертится.

– Он старый уже. Дед, в могилу возьмёшь золото? Зачем оно тебе? Зачем человека убили? – спрашивал Роман.

Зеников молчал и по привычке жалобным чистым взглядом смотрел на окружающих.

Нина принесла шкатулочку из моржовой кости и показала следователю драгоценности. Огарёв погладил большим пальцем шкатулку, открыл, посмотрел, поцокал языком. Отдал шкатулку Нине.

– Очень красивая вещь. Папку я заберу. Ознакомлюсь.

Милиционеры к этому времени вывели Кудряша – Зеникова и убрали труп Копчёного.

– Может быть, чайку выпьете? – сказала Нина. – У меня уже готов.

И она подала тонкую фарфоровую чашку. Огарёв принял её, обхватив холодными пальцами.

– Не откажусь.

Выпил чай. Поцеловал у Нины руку.

– Роман, ты в рубашке родился.

– Это уж точно.

– Прощайте! – сказал Огарёв и быстро вышел.

Наказ отца

Ранней весной Роман извлёк из тайника тяжёлую шкатулку и чёрную папку отца. Шкатулка сразу вызвала у него мысли о золоте. Уж больно она была тяжела. Он не стремился её открыть, хотя уже прошёл год со дня смерти отца. Тяжёлая шкатулка наводила его мысли на нечто подобное. Но всё равно, когда открыл, шкатулка повергла его в величайшее смущение – она была заполнена золотыми изделиями и самородками. Сверху лежало завещание отца, заверенное нотариусом, и письмо. Вот оно.

«Дорогой сын!

Закончились труды моей жизни, ушли любовь и друзья. Но жизнь продолжается. Ты и мои внуки, а затем дети моих внуков и внуки моих внуков – всё это моё продолжение.

Я не печалюсь. Моя жизнь была полна всяких событий: радостных, трагических, печальных, интересных. Ты обо всём узнаешь, когда прочтёшь мои записки. Не суди меня строго. Я жил и в каждый момент старался быть честным с собой и людьми, с которыми меня свела судьба. Берёг чистоту сердца перед Богом.

Содержимое шкатулки должно стать состоянием семьи. Ты не имеешь права от неё отказаться. Я тебе не позволяю, слышишь. У тебя есть дети и будут внуки. Они должны получить образование, достойные условия жизни и свой родовой дом. Да, я хочу, чтобы ты построил для семьи большой дом, родовое гнездо. И чтобы креп наш род.

Я не считаю себя должником перед правительством и государством. Я был осуждён без вины, унижен, лишён семьи и близких, лишён счастья и нормальной человеческой жизни много лет. Я скитался среди чужого народа. Я прошёл фронт и был сослан снова на Колыму. Не было во мне корысти. Вы, мои дети, моя жена Юля, были брошены, лишены моей заботы. Двойная ноша легла на плечи матери. И я хочу, чтобы мои дети жили достойно и имели благородные и достижимые в этой жизни цели. Я верю, что ты сумеешь употребить всё с толком. Я люблю тебя, мой мальчик. Будь осторожен и мудр. Прощай.

Твой отец».

Рядом лежал ещё один листок, исписанный убористым почерком. Роман открыл его. Боже мой, стихи! Он никогда не знал, даже не подразумевал, что его отец пишет стихи. А между тем они помогали понять внутреннюю суть отца, и были ему своеобразным наказом:

Береги своё сердце от измены в большом и малом.
Не роняй своё сердце ни в борьбе, ни в пути.
Жар сердечный и щедрость, любовь, красоту
Воплощай ежедневно в труд земли и мечту.
Встретишь близкую душу, полюби, оцени.
Встретишь злыдня и вора, ты пред ним не юли.
И вдруг столько нахлынет... И расширится грудь.
И не можешь от боли ни уснуть, ни вздохнуть.
И простить ли сумеешь их святейшую ложь?
И оставить не сможешь, и снова придёшь.
На любовь и на муку, сам себя осудив,
Ты протянешь к ним руку, зло и ложь позабыв.
Урони своё сердце у родимых берёз.
Как весенние слёзы, чтоб росток с новой силой пророс.
Урони своё сердце в российской чашебке лесной,
Пусть травой зарастает, под снегами хранится зимой.
А когда напитают его соки земли,

Божий суд оправдает все страдания твои.
И простит тебе снова все земные грехи.
Ты родишься для новых мук земных и любви.

Роман задумался. Глубочайшая аллегория с жизнью отца.
Он внимательно прочитал чёрную папку отца.

Ему открылось, как тесно жизнь простого человека переплетается с происходящими в стране в конкретный исторический промежуток времени событиями. Закон, власть, войны, освоение новых земель, все значительные и незначительные события по-разному влияют на судьбу отдельного человека. А был ли его отец таким уж простым человеком? Он не мог однозначно ответить. Но понял, что как бы ни складывались исторические события, какими бы ни были закон и власть, самое важное – счастье каждого человека. Колыма хранит свои тайны, истории жизни, истории смерти.

Колыма

Навигация заканчивалась. Пароход «Феликс Дзержинский» доставил свой груз в бухту Нагаево. Трюмы, битком набитые пересыльными, открылись. Многие были ещё в военной форме, но с сорванными погонами. Нас вывели на палубу, построили, пересчитали. Недосчитались. Кто-то остался в трюме парохода. Условия перевозки не всем были по силам. Голод, скученность, духота. Народ ехал агрессивный. Неосторожное слово могло стоить жизни. Основная масса пересыльных – украинцы, западники, националисты, бывшие полицаи, власовцы, бандеровцы, предатели, фашистские прихвостни. Соседство не из приятных.

Я молчал и делал вид, что ослаб. Нас быстро погрузили в машины и повезли на прииски, в колымские посёлки. Сгружали прямо у дороги с приказом не расходиться, ждать распределения и расселения. Никакой охраны не было. Людей с машины, на которой везли меня, высадили на дороге около посёлка Кадыкчан². Из своего колымского прошлого я знал, что это центр Аркагалинского угольного комбината. Дальше будут только шахты и несколько приисков. Я решил остаться здесь, определиться, не дожидаясь распределения и расселения. Работать в шахте я не хотел. Мне надо было вырваться из этого окружения. И я решился. Сразу же отошёл в сторону, зашёл за ближайший куст и двинулся в сторону посёлка. К счастью, меня никто не окликнул. Я пересёк дорогу и постучался в первые попавшиеся двери. Вышла женщина, изрядно пьяная, нечёсаная; от неё несло перегаром, одета она была в непонятную смесь мужской и женской одежды. (На ней было мятое грязное платье, из-под которого виднелись мужские старые брюки.)

– Ну, чего тебе надо? – спросила она и икнула.

– Где у вас правление? В какую сторону идти? – спросил я.

Женщина махнула рукой на дорогу, идущую в сторону от центральной трассы.

– Это Старый Кадыкчан. Здесь работяги живут. Начальство на Новом. Иди по этой дороге. Там увидишь.

Я повернулся и пошёл. На что я надеялся? Не знаю. Мне было очень паршиво. Я просто не мог больше находиться среди этих. Мог просто возмутиться, взорваться и погибнуть ни за что. А надо было жить. Почему-то именно в этот момент хотелось жить свободно, независимо, счастливо. Хотелось встретить своих, российских, людей. Я был по горло сыт фашистами. Меня переполняла любовь к своей земле. Я знал, что в этом краю есть люди, для которых Родина – не пустой звук. И я пошёл по дороге на Новый Кадыкчан. Очень скоро увидел посёлок – чистый и привлекательный. Здание Правления узнавалось сразу: двухэтажное, перед ним была свободная площадь, широкое крыльцо с колоннами и навесом. Ясно, здесь обитает начальство. В то время на Колыме было в основном два типа зданий: длинные деревянные одноэтажные бараки с завалинкой для тепла и небольшие деревянные домики на одного или двух хозяев, строились для семейных, их называли уважительно коттеджами. Это здание отличалось несколько большей солидностью и даже красотой.

Я не знал, сколько времени. Очевидно, уже наступил вечер, и рабочий день кончился. Солнце в это время года заходило на два-три часа. В двенадцать ночи было совершенно светло. Но я был уверен: начальник ещё не ушёл. Меня охватила радость, предчувствие удачи. Медиков на Колыме всегда было маловато. Я зашёл в здание. В конце длинного коридора солидная дверь, постучался и, не дожидаясь ответа, вошёл.

² Кадыкчан – в переводе с эвенского – «маленькое ущелье». Распространённый в Интернете перевод – «долина смерти» – неверен. Долиной смерти называли Чайурынскую долину, где начальник лагеря Киселёв около сопки проводил расстрелы заключённых. – *Примеч. авт.*

Большой стол буквой «Т» внушительно стоял посреди кабинета. Чуть в стороне от него, за небольшим письменным столом, сидел человек. При моём появлении он встал. Он был большой, высокий, коренастый. Меня поразили глаза: серые, стальные, вначале холодные, затем удивлённые – живые глаза мыслящего человека. Он молчал, не спрашивал, просто ждал, когда я объясню своё появление. Молчание становилось неловким. Я испытал потребность противопоставить этому молчанию что-то реальное, как-то выразить себя. Я смутился и начал говорить, слегка заикаясь.

– Меня зовут Романов Михаил Михайлович. По образованию я врач. Служил в армии. Раненый попал в плен. Вы знаете, наверное, на дороге около Старого Кадыкчана выгрузили две машины с переселенцами. Среди них много фашистов. Я не могу работать в шахте. Не потому, что это тяжёлая работа, а потому, что среди ссыльных много бывших полицейских, разных фашистских прихвостней. Причины моего прихода к вам очевидны: я не могу больше находиться среди них. Мои действия незаконны и наказуемы. Но если здесь есть медицинский пункт, больница или клиника, возьмите меня. У меня большой опыт. Я буду полезен.

Я замолчал. Выглядел я, видимо, ужасно: грязный, в рваной солдатской форме. Возможно, трюмная вонь за три дня пути ещё не выветрилась.

Как я узнал позднее, это был начальник Аркагалинского угольного комбината Поповиченко Виктор Александрович. Он молча меня разглядывал. Я уловил недоверие, затем интерес и даже сочувствие в его глазах. Моё признание должно было иметь вес. Не отрываясь, я смотрел в его глаза и не знал, что ещё сказать. Просто улыбнулся. И вот тут произошло чудо. Человек провёл рукой по лбу, посмотрел мне в лицо, и, к моему изумлению, тоже улыбнулся. Улыбка растворила молчание, как солнечный свет растворяет ночную темь. Ещё не было сказано ни слова. И в то же время всё было решено. Что-то решив про себя, он спросил:

– А документы у вас есть? Ну, хоть какие-нибудь?

У меня были документы. Я их хранил в кармане трусов, чтобы никто не забрал. Карман пришёл давно. Знал, что когда-нибудь понадобится. Это были военные документы. Я их не предъявлял в органах фильтрации, боялся, что по ним может открыться моё прошлое зэка и побег.

– Простите, чтобы достать документы, мне надо раздеться. Они у меня там.

Я указал большим пальцем руки на брюки.

– Понятно. – Он слегка улыбнулся. Откинул занавеску на стене за собой. Указал на дверь. – Можете достать документы и облегчиться, если надо.

Я зашёл, достал документы и попутно получил облегчение. «Что значит начальство! Отдельная уборная. Удобно и незаметно», – подумал я.

– Вот они. Я их получил в своём батальоне. Прятал и берёг на такой случай... Но это мои документы военные, ещё до плена. Если вы меня возьмёте, я вам всё по чести расскажу.

Теперь я обращался к нему как к соучастнику. Он это понял. Спасение другого человека – повод для радости. Он улыбнулся ещё раз и сказал с долей иронии:

– Значит, вас надо не только взять на работу, надо дать жильё и ещё как-то защитить. – Он критически осмотрел меня с ног до головы. Моя грязь ему не понравилась. – Прежде всего, вам надо посетить баню. Одежду банщик выкинет в топку, вам принесут другую, чистую. Комната в общежитии, пожалуй, найдётся. Спецпоселенцам выдадут паспорта и карточки. Затем я вас приглашаю к себе на ужин. Кто останется здесь, меня не минует. У вас фамилия не менялась?

– Нет, – ответил я.

Мы вышли. Я не могу описать свою радость. Я шёл рядом с вольным русским человеком, я дышал свежим воздухом. Фашистов, этих струпьев на теле человеческого, рядом не было. Через несколько минут я буду мыться чистой и, может быть, горячей водой. Эти простые человеческие радости – невероятное, неоценимое счастье. Мне дали мочалку, мыло. Я наливал в таз горячую воду и тёр, тёр, тёр своё тело. Ещё никогда вода не была так ласкова, так живительна,

так любима и необходима. Я погружал свою голову и лицо в таз с водой, смеялся, я любовно гладил эту воду, окатывал себя водой из таза, снова наливал, снова обливался. Чистое полотенце было душисто и доставляло мне удовольствие каждым своим прикосновением. Я ощутил любовь к своему чистому телу. Выданная одежда была великовата. Я был крупным мужчиной, но Поповиченко крупнее. Очевидно, одежда принадлежала ему. Но это неважно. Я вышел. Банщик закрыл своё заведение на замок. Он хохотал.

– Я видел, как ты мылся. Кожа-то цела? Теперь пойдём, начальник велел тебя привести к нему домой.

Мы пришли к небольшому дому на краю посёлка. Дверь открыла полная смуглая женщина с большим круглым лицом и огромными карими глазами. Гладкие тёмные волосы разделены на прямой пробор, заплетены в две толстые косы, уложены в тугой узел сзади. Это была жена Поповиченко. Неторопливые движения, плавная речь, тёплая, чуть заметная улыбка в уголках губ. Стол для ужина был уже накрыт. За столом сидели две дочери-школьницы. В доме царило счастье, понимание, любовь. Я это почувствовал сразу, как только перешагнул порог. Впоследствии я много раз бывал в этом доме. И как друг, и как врач. Меня всегда поражала обстановка взаимопонимания и полного уважения друг к другу членов этой семьи. Девочки обожали мать и отца. Они родились на Колыме. Виктор и Оксана сбежали от родителей. Им было по семнадцать. Они любили друг друга, а родители не разрешили пожениться. Тогда они завербовались на Колыму. Это было года за два до начала войны. И здесь вместе они прошли большой путь. Любовь сохранилась. Но Оксана была очень больна. Поповиченко надеялся, что опытный доктор (я так отрекомендовал себя) поможет восстановить здоровье жены.

По его распоряжению я получил комнату в одном из бараков, паспорт и продуктовые карточки. Я жил среди вольных. Но спецпереселенцем я остался. Передвижение ограничено, нет права переписки, на учёте в комендатуре. Поражение в правах. Война закрыла страницу жизни, связанную с моим осуждением как «врага народа», побег с Бергом и жизнь у чукчей. Иначе мне грозил бы расстрел. На спецпереселение я попал из-за плена. Свидетелей моего участия в отряде сопротивления не оказалось. Прямое попадание снаряда в здание клиники оборвало жизнь доктора. Меня в это время там не было. Я не скрывал, что попал в плен. Конец войны застал меня в Берлине. Что меня отправят на Колыму из-за плена, я никак не мог предположить. Моё прошлое как «врага народа», побег с Бергом и жизнь у чукчей необходимо было скрыть. Это мне удалось.

Встреча с Юлей

Я вспоминал жизнь до заключения как сказку. Я очень любил подмосковный дом своих родителей. Это был старый дом на заброшенном участке, доставшийся им в наследство от деда. Удивительно, но после революции дом у родителей почему-то не отобрали. Этот дом был связан с моей семьёй и прежде всего с мамой.

Этот дом, весь живой покров земли вокруг него, служили надёжной защитой в том далеке, которое именуется детством. Вокруг была глушь. Каждый куст, каждое дерево, каждый цветок были живыми. Я помню ужин в просторной и слабо освещённой столовой, где мама была королевой, и мы без усталости следили за ней. Она молча усаживалась за стол, чуть наклонившись вперёд. Под золотым светом из абажура волосы казались короной. Она царила и казалась нам бессмертной. Мы чувствовали её душу и ждали, когда её глаза наполнятся лаской.

Мы ужинали и шли в детскую спать. Ложились в кровать и просили:

– Мама, почитай нам стихи.

Она читала совсем немного. А нам казалось, что она знает всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.